

ФРАНЦУЗСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ГЕРЦЕНА

ПИСЬМА ПРУДОНА, МИШЛЕ, ВИКТОРА ГЮГО И ЛУИ БЛАНА

Публикация Натальи Эфрос

«...Жаль, что не много писем уцелело у меня. Моя жизнь прибывала меня к разным берегам, к разным слоям, и я со многими входил в сношения, но три полнейших нашествия — одно в Москве и два в Париже — отучили меня от хранения всякого рода писем», — вспоминает Герцен в «Былом и думах». А в письме к Мишле от 13 апреля 1853 г., прося извинение за затерянный рисунок художника Прео, присланный ему французским историком, пишет: «Ради бога, извините меня перед г. Прео. Вы не представляете себе нашего бродячего существования, как мы скитаемся из страны в страну, оставляя повсюду половину книг, вещей и проч.»¹. Приведенные цитаты очень ярко характеризуют состояние архива Герцена. Это ценнейшее собрание, включающее письма и другие документы самых выдающихся представителей русской и европейской литературы, науки, политики и содержащее материалы, отражающие крупнейшие общественные и культурные события эпохи, до сих пор остается разбросанным по разным странам, полностью не выявлено и не соединено воедино. Правда, вопреки утверждению, что «он отучился хранить письма», Герцен многое сберег и частично сам опубликовал. Многие были собраны и дополнительно обнародованы его наследниками, а затем исследователями его жизни и творчества. И все же, несмотря на наличие двадцатидвухтомного собрания сочинений, подготовленного Лемке, и новейших русских и иностранных трудов и публикаций, пропуски в переписке, отсутствие ряда документов, с чем постоянно приходится сталкиваться всем, имеющим дело с архивами Герцена, указывают на то, что работа по собиранию этого архива отнюдь не может считаться законченной. Поиски в государственных и частных собраниях у нас и в особенности за границей сулят неожиданные и интересные находки. Наша публикация служит этому хорошим подтверждением. Помещаемые ниже письма французских писателей к Герцену были обнаружены нами в Историческом музее в Москве, среди бумаг А. И. Барятинского, в принадлежавшей последнему коллекции автографов различных знаменитых людей, преимущественно французов. Наиболее ранний документ коллекции датируется концом XVIII в., наиболее поздний — 60-ми годами XIX в. Каким образом письма к Герцену оказались в этой коллекции, установить не удалось. Никаких сведений о личных связях Герцена с фельдмаршалом кн. А. И. Барятинским (1815—1879) не сохранилось. Можно поэтому предположить, что письма оказались в собрании Барятинского в результате простого собирательства. Это подтверждается и тем, что ни одного письма кого-либо из знаменитых современников к самому князю это его собрание не содержит. С 1860-х гг. Барятинский большей частью жил за границей, в Англии, Франции, Италии². Тогда-то, вероятно, и составила его коллекция автографов, куда окольными путями проникли и письма из герценовских фондов.

Писем французов к Герцену у Барятинского только шесть. Но эта небольшая пачка представляет несомненный и значительный интерес. Она объединяет не только наиболее блестящие, но и наиболее дорогие для Герцена имена его французских современников: Прудона, Мишле, Виктора Гюго, Луи Блана. Отношение Герцена к этим людям известно. Образы и характеристики их с исключительным, «герценовским» мастерством даны на страницах «Былого и дум» и других сочинений Герцена. С ними связано появление таких крупнейших работ Герцена, как «Россия (письмо к Гервегу)», «Донозо Кортес», написанных для прудоновской газеты «*Voix du Peuple*» — «Русский народ и социализм», являющейся ответом Мишле на его характеристику русского народа, и др. Герцена связывала со всеми ними крепкая личная симпатия, несмотря на серьезные принципиальные расхождения по ряду поводов, обнаруживавшиеся не раз за долгие годы их дружбы. Сам Герцен объединял имена этих людей, с которыми его роднила также общность изгнаннической судьбы³. Именно они пришли ему на помощь в ответственный момент его деятельности — организации

первого вольного русского печатного органа. «Я никогда не забуду, — писал он Мацини, — того сердечного участия, с которым вы и другие выдающиеся люди как Виктор Гюго, Мишле, Прудон, Луи Блан протянули мне руку в 1855 году и старались вселить в меня мужество, когда я начинал в Лондоне свой русский журнал „Полярную Звезду“». — «Нет, вы не хотели понять поэзии и смысла этих имен — имен Прудона, Мацини, Гюго, Луи Блана, Мишле, Лелевеля, пришедших на закладку свободного русского дела», — говорит он в другом месте⁴. К двум из этих людей — Мишле и Прудону — Герцен обращался со своей личной драмой, ища у них сочувствия и поддержки против Гервега.

Со своей стороны, знаменитые друзья платили Герцену той же данью уважения и симпатии. Они постоянно присоединяют к его имени лестные эпитеты, называя его то «лучшим сердцем и благороднейшим умом», как Виктор Гюго, то «голосом сотен миллионов людей», «великим представителем славян», как Мишле, то «чисто-сердечнейшим из людей, прекрасной личностью, самым бескорыстным революционером и выдающимся русским» — как Прудон⁵. Все они с интересом следят за его литературными выступлениями, очень высоко оценивая его как писателя. «Я прочитал вашу красноречивую брошюру, — пишет Луи Блан по поводу *«La France ou l'Angleterre»* — в ней есть страницы, которые я хотел бы считать своими»⁶. Гюго цитирует отрывки из *«Былого и дум»* в своей статье *«Les Tyrans»* («Тираны»)⁷. Мишле отзывается о них как о книге «трепещущей жизнью», «все, что исходит из-под вашего пера, — говорит он Герцену по прочтении *«Былого и дум»*, — носит на себе яркую печать оригинальности, остроумной и красноречивой»⁸. Аналогичных цитат можно было бы привести множество. Даже сам скупой на похвалы Прудон находит «Развитие революционных идей в России» — превосходной работой, а «Ответ Мишле» — очень хорошим⁹. Французские друзья считались с мнением Герцена как читателя и критика. Они постоянно посылают ему свои новые произведения, с просьбой высказаться, а иногда, как это делали Мишле и Прудон, с просьбой оказать содействие распространению книг в Англии, Америке, России.

Содержание публикуемых нами писем не разочаровывает. Они достойны имен, которыми подписаны. Они затрагивают дела и события равно значительные и для адресата и для корреспондентов. Все письма оставались до сих пор неопубликованными и не были использованы ни в русской, ни в иностранной литературе.

1. ПИСЬМА ПРУДОНА А. И. ГЕРЦЕНУ

«Между социалистическими писателями, Герцен больше всего сочувствовал Прудону...», влияние Прудона на Герцена «огромно» — говорит Плеханов¹⁰. И действительно, начиная с 1843 г. имя Прудона не сходит со страниц дневников, сочинений и переписки Герцена. Это, пожалуй, наиболее часто цитируемый и упоминаемый им автор. В 1847 г. Герцен лично познакомился с Прудоном, и это знакомство переходит затем в прочную, дружескую связь. Однако отношения Герцена к Прудону вовсе не следует представлять себе, как нечто неизменное, раз и навсегда установившееся. Напротив, они претерпели очень большую и глубокую эволюцию. Первое знакомство с сочинениями Прудона вызвало у Герцена восторг, и, по свидетельству современников, он утверждал, что «только две стоящие книги вышли в XIX в. — это «Сущность христианства» Фейербаха и «Система экономических противоречий или философия нищеты» Прудона»¹¹. Наибольшей силы увлечение Прудонем достигло у Герцена в революционный период 1848—1850 гг., в связи с выступлениями Прудона в Национальном Собрании и его борьбой одновременно и с республиканцами, и с Луи Бонапартом. В те годы Прудон для Герцена «действительная глава революционного принципа во Франции... новейший Самсон, который из своей тюрьмы заставляет дрожать европейское здание»¹². Позднее, после выхода в свет книги Прудона «О справедливости» и еще более, когда обнаруживается позиция Прудона в национальном вопросе, в частности польском, наступает охлаждение, мучительный и болезненный для Герцена процесс отхода от Прудона. Он проводит резкую грань между Прудоном того времени, «когда он еще сидел в *St. Pélagie*», издавал *«La Voix du Peuple»*, был в открытой войне с государственной несправедливостью и не писал ни *«De la Justice»* ни *«De la Guerre»*¹³, и тем, который эти книги написал. Он называет теории общественного переустройства, предлагаемые Прудоном, «почтенным убожеством по Прудону», которого «решительно не хотят народы». С горечью говорит об «ужасном бесчеловечьи», с которым Прудон «упрекал Польшу, что она не хочет умирать»¹⁴. Герцен перестает теперь видеть в Прудоне главу революционного и социалистического движения. Он считает, что у Прудона «нет положительных выводов, а только критика» (Плеханов). «Прудон не разрешил великих вопросов, не снял страшных сомнений, не основал школы, но оставил диалектический таран. Может быть он и думал, что умеет лечить, но сила его была не в лечении, а в рассечении трупов», — писал Герцен в некрологе Прудона (1865 г.). Впрочем это не помешало ему все же назвать некролог горстью, брошенной «на гроб учителя»¹⁵.

Идеологические расхождения сказались и на личных отношениях. Правда, никакого разрыва, конфликта между ними не происходит. Герцен сохраняет к Прудону симпатию и уважение, о чем свидетельствует хотя бы упомянутый некролог Прудона, весь проникнутый горячим сочувствием к человеку, чью жизнь он называет «подвигом». Но если ранее они встречаются, переписываются, привлекают друг друга к литературному сотрудничеству, обмениваются своими новыми произведениями, то после 1859 г. они уже ни разу не видятся, а с 1861 г. обрывается и их переписка. Лишь в последний год жизни Прудона, летом 1864 г., Герцен посылает ему медаль, выбитую в честь десятилетия вольной русской печати, которую он послал также Маццини, Гюго и другим друзьям «вольного русского дела». Но случайно или нарочно, Герцен направляет свой подарок не непосредственно Прудону, а Громору,

ПРУДОН

Портрет, сделанный в Консьержери в 1851 г.

Местонахождение оригинала неизвестно

«для передачи Прудону» и хотя «с величайшим респектом», но без всякого сопроводительного письма¹⁶. Наконец, в ноябре того же 1864 г., за два месяца до смерти Прудона, Герцен передает ему поклон через Самарина.

Выше мы привели несколько выдержек, характеризующих оценку Герцена Прудону как революционера, человека и писателя. Число таких положительных высказываний Прудона о Герцене можно было бы значительно увеличить. Они встречаются как в непосредственных обращениях к Герцену, так и в письмах к близким и к общим знакомым. В течение ряда лет Герцен входил в небольшую группу избранных лиц, составлявших ближайшее окружение строгого и разборчивого на людей Прудона. «С 1846 г. около Прудона, — пишет Сент-Бев, — мало-помалу образовывается кружок новых друзей, из числа людей, которые были увлечены его системой и

идеями, и которых в то же время притягивала к себе его сильная и обаятельная личность (Даримси, Ланглуа, Дюшен, Шоде, Матэ, Кретен, Шарль Эдмон, Герцен, Массоль, Ролла и Делгас)¹⁷. Отношение Прудона к Герцену отличалось искренностью, отзывчивостью, постоянством. Прудон горячо откликнулся на постигшее Герцена семейное горе — гибель сына и матери, поддерживал его попытку разоблачения Гервега.

Идеологические и политические разногласия между Герценом и Прудоном, обозначившиеся в 1860-х гг., приводят также и Прудона к иным, чем ранее, оценкам друга. Заявив себя противником всяких национально-революционных движений, противником польского восстания, Прудон не мог не осудить деятельности Герцена того периода. У него срываются теперь по адресу Герцена ворчливые замечания вроде следующего, которое мы находим в письме к Шоде от 1 июля 1862 г.: «Все, что в течение двух-трех лет делают все эти Гарибальди, Мерославские и даже сам Герцен, мне глубоко антипатично. Это все тот же старый стиль на манер Робеспьера, все то же пустозвонство, все тот же маккиавелизм под маской суверенитета народа и свободы наций»¹⁸. Отходу от Герцена способствует, по всей вероятности, и сближение в те годы Прудона с журналистом и агентом русского правительства Шедо Феротти (Фирksom), сумевшим втереться в доверие к Прудону. Шедо становится теперь вместо Герцена корреспондентом и информатором Прудона по русским вопросам¹⁹. Точку зрения Прудона на русские и польские дела и на роль Герцена вскрывает во всей обнаженности опубликованное письмо его к Самарину от 3 ноября 1864 г.²⁰: «...Приношу вам мои беспредельные поздравления с тем, что вам довелось поработать над истинным освобождением польского народа. Надеюсь, что теперь этой ненавистной аристократии пришел конец. Вот уже более тысячи лет, как она томит и скандализует Европу. Я изучил ее историю и решительно не могу сказать, в какую эпоху она являла себя наиболее гнусной. Преступно было со стороны ваших царей, что они терпели так долго ее существование». Затем Прудон переходит к Герцену, которому посвящена остальная часть письма. «Что бы я дал, чтобы подробно переговорить об этом с нашим добрейшим Герценом!» — восклицает он: «Как глубоко я сожалею о том, что он поставил себя между русским национальным чувством, с одной стороны, и строптивой спесью поляков, с другой. Как желал бы я, чтобы с того дня, как Александр II вступил на широкий путь эмансипации, Герцен заставил замолкнуть свой «Колокол»... Бороться с Николаем — это было доблестно, но продолжать, не видоизменяя, ту же политику в отношении Александра — это уже неловкость или, во всяком случае, важное неудобство!». И, как бы смущенный своей защитой деспотизма, Прудон добавляет: «Знаю хорошо, что автократ все же останется автократом, но в данном случае отношение к императору должно было отодвинуться на второй план — на первом же стоять уважение к самому русскому народу». Понятно, что с таким Прудоном у Герцена общего языка быть не могло. Ведь именно к Герцену 60-х годов относятся слова Ленина: «Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидел его в 60-х [подчеркнуто в тексте], он безбоязненно встал на сторону революционной демократии, против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем»²¹. Но если цитированное письмо Прудона показывает всю глубину принципиальных расхождений между ним и Герценом, оно свидетельствует и о том, что личные симпатии к Герцену он сохранил. Из письма явствует, что Герцен направляет Самарина к Прудону и что рекомендации Герцена, а, может быть, даже простой ссылки на него достаточно, чтобы открыть Самарину доступ к тяжело больному, почти умирающему Прудону. Не будучи в состоянии говорить с Самариным из-за приступа болезни, он заверяет его, что если бы не болезнь, он принял бы его с той же «готовностью, с какой бы я принял самого друга моего Герцена».

Таковы, в самых общих чертах, взаимоотношения Герцена и Прудона. Переписка их давно уже стала достоянием печати. Сам Герцен в «Полярной Звезде» опубликовал в выдержках некоторые письма к нему Прудона. Четыре письма вошли в издание «Correspondance» Прудона 1875 г. — два из них тогда же, правда с купюрами из-за цензурных рогаток, появились на русском языке в «Вестнике Европы»²². В собрании сочинений Герцена Лемке поместил 6 писем Герцена к Прудону и 7 писем последнего к Герцену, а также приписку Прудона, адресованную Герцену в письме Шарля Эдмона. Одно письмо Прудона к Герцену, сохранившееся в копии, опубликовано в «Литературном Наследстве» № 15. Часть писем Прудона в изданиях Лемке известна лишь в русских переводах. Рауль Лабри нашел и опубликовал в своей книге оригиналы двух таких писем Прудона, помещенных Лемке по-русски и с купюрами²³. И все же, переписка Герцена с Прудоном, несмотря на весь ее интерес, до сих пор остается неполной и ждет еще своего настоящего издания. Недохватка нескольких писем совершенно очевидна. Наши письма не принадлежат к таким явным пропускам и свидетельствуют, что найденных писем Прудона больше, чем то предполагали, и что нашей находкой число их едва ли исчерпывается.

Оба публикуемые письма Прудона к Герцену охватывают существенные факты жизни и деятельности обоих писателей. Первое связано с субсидированием Герценом

газеты Прудона «Voix du Peuple», выпущенной, как известно, на средства Герцена, в которой он сотрудничал и которой придавал такое большое значение. Второе касается книги Прудона «О справедливости», нанесшей, как мы видели, первый удар увлечению Герцена идеями Прудона, и новой попытки Прудона привлечь Герцена к совместной журнальной работе.

Вот текст первого письма:

Conciergerie, 13 Août 1849

Monsieur Herzen, présentement à Genève.

La personne qui vous remettra la présente est M. A. Guillemin, mon ami et compatriote, administrateur de l'ancien journal le Peuple, supprimé par suite de l'état de siège.

M. Guillemin est autorisé par moi à négocier auprès de vous un emprunt de 24.000 fr., dans les conditions au projet ci-inclus en double exemplaire, comme aussi à modifier ou réduire les dites conditions, selon que vous l'aurez d'un commun accord jugé utile, et pourvu que les dites modifications ne changent point l'esprit et l'ensemble du traité.

Regrettant fort de ne pouvoir vous présenter moi-même mes amitiés, et surtout de jouir des agréments du voyage, je vous prie, Monsieur, d'accueillir M. Guillemin, comme vous auriez pu faire moi-même, ou plutôt M. Charles Edmond, avec lequel je me suis entendu pour le départ de mon ami.

Dans l'impatience de recevoir bientôt de vos bonnes nouvelles, je vous présente, Monsieur, mes salutations fraternelles.

P.-J. Proudhon

Перевод:

Консьержери, 13 августа 1849 г.

Господину Герцену, находящемуся в настоящее время в Женеве.

Лицо, которое передаст вам настоящее письмо, г. А. Гильмен — мой друг и соотечественник, администратор выходившей ранее газеты «Le Peuple» и закрытой вследствие осадного положения.

Господин Гильмен уполномочен мною вести с вами переговоры относительно займа в 24.000 франков на условиях, проект которых в двух экземплярах при сем прилагается, а равно уполномочен изменять, пополнять или сокращать вышеуказанные условия, в случае, если по обоюдному соглашению вы найдете это нужным и при условии, чтобы вносимые изменения не нарушили основного духа и характера договора.

Очень сожалея, что не могу лично засвидетельствовать вам своих дружеских чувств, в особенности же, что лишен возможности совершить это приятное путешествие, прошу вас, милостивый государь, принять г. Гильмена так, как приняли бы меня самого или вернее г. Шарля Эдмона, с которым я договорился относительно поездки моего друга.

С нетерпением ожидая от вас в скорости добрых вестей, шлю вам, милостивый государь, братский привет свой.

П.-Ж. Прудон

Герцен в «Былом и думах» останавливается на эпизоде издания «Voix du Peuple», но опускает детали и излагает лишь в общих чертах ход переговоров с Прудоном, подчеркивая, главным образом, принципиальную сторону дела. Лемке и Лабри дополнили рассказ Герцена документальными данными, восстановившими некоторые интересные моменты, отсутствующие у Герцена. Наше письмо позволяет восстановить еще одно звено развития событий. Оно является первым, или одним из первых непосредственных обращений Прудона к Герцену по поводу газеты «Voix du Peuple», а если не считать приписки к письму Шарля Эдмона — то и вообще первым из обнаруженных до сих пор писем его к Герцену.

Написано это письмо из тюрьмы Консьержери, где Прудон отбывал в то время наказание за свои статьи против Луи Бонапарта, в которых суд Республики усмотрел оскорбление президента и возбуждение классовой розни. Газеты, редактировавшиеся Прудоном, «Le Représentant du Peuple», а затем «Le Peuple», были закрыты после ряда преследований. Для возобновления своего органа Прудону необходимо было внести залог в 24 тысячи франков, установленный законом о печати после июньских

дней 1848 г. В поисках этих денег Прудон через общих друзей, Шарля Эдмона и Сазонова, обратился за средствами к Герцену. Последний, находившийся в то время в самом разгаре увлечения Прудоном, с одной стороны, и искавший трибуны для обращения к западным читателям, с другой, — ответил согласием. «Участвовать в восстановлении такого органа как «*Peuple*», говорит Герцен, стоило пожертвований». «Я написал Сазонову и Хоецкому, что готов внести залог»²⁴. Публикуемое письмо послано, по всей вероятности, вскоре после того как Прудону стал известен этот ответ Герцена. Однако, несмотря на всю готовность помочь изданию газеты, Герцен обуславливал дачу денег требованием представить ему в газете заметную роль. Очень возможно, что Прудон, отправляя Гильмена с проектом договора в Женеву, уже знал об этих желаниях Герцена и несколько опасался их. На эту мысль наводят слова публикуемого письма, оговаривавшие право Гильмена соглашаться на изменения и дополнения договора лишь постольку, поскольку это не нарушит его духа и характера. К сожалению, при письме не сохранился упоминаемый в нем проект договора, о существовании которого до сих пор вообще ничего не было известно. Сопоставление этого, составленного Прудоном, первоначального проекта с дефинитивным договором, текст которого опубликован²⁵, лучше всего вскрыло бы сущность разногласий Герцена с Прудоном. Как бы то ни было, но Герцен не согласился с присланным ему проектом, и герценовские притязания, видимо, превысили полномочия Гильмена. Герцен составил свой контр-проект соглашения и 19 августа 1849 г. направил его Прудону. Указание на это встречается в письме Прудона к Герцену от 23 августа 1849 г.²⁶ Письмо Герцена от 19 августа не сохранилось, но сам Герцен в «Былом и думах» рассказывает о своем желании показать в нем Прудону, что деньги он дает не из преклонения перед ним, как великим человеком, не из революционного дилетантизма, не из хвастовства и не потому, что считает газету Прудона серьезным помещением денег. «Я хотел, — говорит Герцен, — иметь положительное влияние на журнал и требовал, во-первых, права помещать статьи свои и не свои, во-вторых, права заведывать всей иностранной частью, рекомендовать редакторов для нее, корреспондентов и проч.»²⁷. Со своей стороны Прудон, принимая деньги, менее всего готов был поступиться чем-нибудь существенным из того, к чему, он полагал, обязывало его звание редактора. Задачу своей газеты он видел в руководстве начатой им «битвы труда с капиталом... кампанией против собственного режима»²⁸. Естественно поэтому, что требования Герцена, которого он к тому же тогда еще мало знал как человека и совсем не знал как писателя, «покоробили», по герценовскому выражению, Прудона. Простая формальность подписания условий на денежную сумму превратилась, таким образом, у этих людей, хорошо знавших, чего они хотят, и не привыкших в вопросах убеждения идти на уступки, в принципиальный спор. В результате они все же сговорились на компромиссе. Прудон принял контр-проект, предложенный Герценом, сообщив ему в указанном письме от 23 августа, что он просто переписал присланный ему текст соглашения, не вызывающий у него возражений, и ограничился некоторыми изменениями, уточняющими смысл. Судя по дальнейшему тексту письма, эти уточнения не были, однако, так несущественны, как их склонен был рассматривать Прудон. Выразив согласие принимать без всякого контроля статьи Герцена, Прудон оговорил свое право вето в тех случаях, когда редакцию обязывало к этому «уважение к своим мнениям и страх судебной ответственности»²⁹. Повидимому, к этому и сводились исправления, внесенные Прудоном в соответствующие параграфы договора. Конечно, все это не более как маше предположение, поскольку черновик контр-проекта Герцена нам также не известен и его нельзя сопоставить с окончательным текстом договора, который представлял собой контр-проект Герцена, отредактированный Прудоном, то есть третий по счету вариант соглашения. Любопытно, что договор в своем дефинитивном виде сохранил дату 14 августа, очевидно — дату первоначального проекта, посылавшегося Герцену с Гильменом при публикуемом письме.

Получив письмо Прудона от 23 августа, Герцен подписал условия и внес залог. Первый номер «*Voix du Peuple*» вышел 20 сентября 1849 г. Герцен был очень доволен газетой. «Журнал, по его словам, пошел удивительно... Прудон из своей тюремной кельи мастерски дирижировал своим оркестром»³⁰. Газета очень хорошо расходилась, и ежедневно продавалось от 35.000 до 40.000 экземпляров. Особенно интересные номера печатались тиражом в 50—60 тысяч. Но пресуществовала «*Voix du Peuple*» не долго. После ряда преследований и штрафов, в мае 1850 г. газета была закрыта. Прудон, еще не отбывший срока своего заключения, подвергся новому судебному преследованию. Залог, внесенный Герценом, пропал. Герцен поместил в «*Voix du Peuple*» несколько статей, вошедших потом в книгу «С того берега». Очень большой успех имела напечатанная в газете статья его «Ответ Донозо Кортесу». Своими редакторскими правами, так ревностно отстаиваемыми, Герцен почти не пользовался. Большую часть времени, пока существовала «*Voix du Peuple*», он провел вне Парижа. Руководить иностранным отделом со стороны было трудно, и отдел, в отсутствие Герцена, по его просьбе вел Шарль Эдмон.

Второе публикуемое письмо Прудона к Герцену написано спустя 11 лет после первого. Эти 11 лет включают и годы наибольшей близости, и начальный период

расхождения писателей. Поводом обращения к Герцену послужило предпринятое Прудонем новое издание его книги «О справедливости», впервые вышедшей в свет в 1858 г.³¹ Новое издание было переработано, печаталось отдельными выпусками, с приложением к каждому обзора современных политических событий. Прудон рассчитывал на сотрудничество Герцена в этом отделе текущей политики, а также на отклик «Колокола». Книга «О справедливости», как уже указывалось, нанесла первый и сильный удар увлечению Герцена Прудонем. «Читаю теперь 3-й том» [«О справедливости»]..., — писал Герцен Мальвиде Мейзенбург 4 июня 1858 г. — «Человек, который мог написать целый том (двести страниц с лишним) чисто римско-католической клеветы против женщины — не свободный человек». А через несколько дней в письме к ней же от 9 июня 1858 г., он снова возвращается к книге «О справедливости». «Давно мне не было так невыразимо больно, как при чтении книги Прудона. Умирает римский мир и эта книга — его надгробный камень. Весь третий том, за исклю-

Conciergerie 19 août 1849.
Mon cher Herzen, présentement à Genève,
La personne qui vous remettra la présente est M. A. Guillemin
mon ami et compatriote, administrateur de l'ancien Journal le
Peuple, chef d'œuvre par suite de l'état de siège.
M. Guillemin est autorisé par moi à solliciter auprès de vous
un emprunt de 25,000 fr. dans la condition au projet ci-joint
en double exemplaire, comme amicalement à modifier, amplifier ou réduire
les dites conditions, selon que vous l'aurez jugé convenable, et pourvu que les dites modifications ne changent point l'esprit
et l'ensemble du traité.
Regrettant fort de ne pouvoir vous présenter moi-même
amitié, et surtout de vous en adresser du papier, je vous
 prie, toujours, d'accueillir M. Guillemin, comme vous l'aurez jugé
 convenable, et surtout M. Charles Dumas, avec lequel je
 me suis entendu pour le départ de mon ami.
Dans l'impression de mon traité de vos amies
bonnelles, je vous prie, toujours, mes salutations
 fraternelles.
P.-J. Proudhon

ПИСЬМО ПРУДОНА ГЕРЦЕНУ ОТ 13 АВГУСТА 1849 г.

Исторический музей, Москва

чением главы о прогрессе, печален, печален. Это старик, диктующий свое завещание»³². Позднее, в «Былом и думах», Герцен высказывается еще суровей: «Прудон издал свое большое сочинение о справедливости в церкви и революции. Книгу эту, за которую одичалая Франция снова осудила его на три года тюрьмы, прочитал я внимательно и закрыл третий том, задавленный мрачными мыслями. Тяжелое, тяжелое время! Разлагающий воздух его одуряет сильнейших!»³³. Злыми, ироническими словами характеризует Герцен основные положения Прудона. Он называет его теорию о справедливости «старыми, изношенными пугалами из гегелианизма правой стороны». Считает, что требования Прудона пожертвовать всем для воплощения идеи справедливости, «вздор». С горечью отмечает, что Прудон в этом своем сочинении защищает в сущности то, с чем боролся всю жизнь. «Прудон, говорит Герцен, освобождаясь от всего, кроме разума, хотел остаться не только мужем, вроде Синей бороды, но и французским националистом с литературным шовинизмом и безграничной родительской властью и потому, вслед за крепкой, полной сил мыслью свободного человека, слышится голос свирепого старика, диктующего свое

завещание и хотящего теперь сохранить своим детям ветхую хранину, которую он подкапывал всю жизнь»³⁴. Знал ли Прудон о жестокой оценке, которую получила его книга у Герцена — неизвестно. Весьма правдоподобно, что критика Герцена до него не дошла. К моменту, когда сочинение «О справедливости» вышло в свет, они не виделись уже почти восемь лет (последнее их свидание произошло в июне 1850 г. в Консьержери, где Герцен посетил Прудона) и не переписывались около трех (по крайней мере, никаких следов их переписки с 1856 по 1858 г., как и за последующий 1859 г., не сохранилось). «Полярная Звезда», в которой, в № 5 за 1859 г., появилась герценовская характеристика книги «О справедливости», была для Прудона недоступна. Отношения возобновились после свидания в Брюсселе в октябре 1859 г. Встреча носила дружеский характер и прошла в оживленной беседе на острые политические темы. По всей вероятности, обсуждения уже не нового к тому времени сочинения «О справедливости» не было. Во всяком случае, Прудон, отметивший посещение Герцена в своем дневнике, об этом не упоминает»³⁵. Вот почему Прудон, приступая к выпуску в свет 2-го издания книги «О справедливости», спокойно просил у Герцена содействия этому, столь строго порицаемому Герценом произведению. Прудон писал Герцену по поводу этого нового издания дважды. Наше письмо является вторым из этих писем. Вот текст письма:

Ixelles-les-Bruxelles, rue du Conseil, 8

30 mars 1860

Cher Monsieur Hérizen,

J'ai reçu votre seconde et encourageante lettre. Je ne doutais pas de votre bonne volonté pour mon oeuvre, qui est la vôtre; je vous remercie de vos bonnes et affectueuses paroles.

Vous avez dû recevoir un exemplaire de la 1-re livraison de ma 2-e Edition.—Vous y trouverez mon Programme de philosophie populaire, et à la fin du volume, sous la rubrique Nouvelles de la Révolution, un début assez faible, dans la politique périodique.

La lecture du Programme vous fera comprendre ce que je fais et où je veux aller. Lisez le paragraphe relatif à la Propagande; celui sur la Situation; et vous verrez comment j'entends travailler à la réforme de l'opinion, ou par suite au progrès de la révolution.

Dans ma 1-re livraison, j'ai voulu saisir les esprits d'une idée, que les sociétés ne vivent que par les principes: que sans les principes, elles tombent en dissolution, témoin le gouvernement de Napoléon III, témoin la France.

Dans la 2-e livraison qui paraîtra sous quelques jours, mon article Révolution roulera sur la Dignité des nations. Ce sera d'un goût plus relevé, et que je vous recommande.

Envoyez-moi de votre côté tout ce qui vous semblera utile.

Si l'exemplaire dont je vous parle ne vous était pas parvenu malgré la diligence que j'y ai mise, faites-le moi savoir, et je renouvellerai l'envoi.

Tout votre

P.-J. Proudhon

Перевод:

Иксель-Брюссель, ул. Совета, 8

30 марта 1860 г.

Любезный Герцен,

Я получил ваше второе и ободряющее письмо. Я не сомневался в вашем сочувствии моему делу, которое является и вашим. Благодарю вас за хорошие, сердечные слова. Вы должны были уже получить экземпляр первого выпуска моего второго издания. Вы найдете там мою «Программу популярной философии» и в конце тома, в разделе «Новости революции», довольно слабый дебют в области текущей политики. Чтение «Программы» даст вам представление о том, что я делаю и куда иду. Прочтите параграф, относящийся к «Пропаганде», и вы увидите, как я мыслю работать над реорганизацией взглядов, а следовательно, и над развитием Революции.

В первом выпуске я стремился увлечь умы той мыслью, что общества живы только принципами и что при отсутствии принципов они разлагаются. Свидетельство тому — правление Наполеона III, свидетельство тому — Франция.

Во втором выпуске, который выходит из печати в ближайшие дни, в «Новостях революции», есть моя статья о «Достоинстве наций». Эта вещь более высокого уровня и я рекомендую ее вашему вниманию.

Посылайте мне со своей стороны все, что вам кажется полезным.

Если несмотря на все приложенные мною старания книга, о которой я говорю, до вас не дошла — уведомите меня и я вышлю вам вторично экземпляр.

Весь ваш П.-Ж. Прудон

Письмо является ответом на письмо Герцена от 23 марта 1860 г., в свою очередь написанное в ответ на прудоновское от 15 марта 1860 г. А это последнее было вызвано получением Прудонем только что вышедшего французского издания

МИШЛЕ

Фотография, 1860-е гг.

«Былого и дум». Книга была послана Герценом в начале того же марта 1860 г. при письме, которое до нас не дошло. Вот почему Прудон говорит, что получил «второе» письмо Герцена. Содержание публикуемого документа тесно связано с предшествующей перепиской писателей. В письме от 15 марта Прудон, сообщив Герцену, что он сдал в печать исправленное и дополненное издание книги «О справедливости», просил Герцена процитировать ее в «Колоколе», обещая, со своей стороны, помещать в своем издании цитаты из Герцена. «Мы оба, писал Прудон, служим одному делу и работаем, хотя каждый по-своему, для одной цели. Пока государи заводят разную кутерьму и упражняются в резне, дадим нашей мыслью начало европейской федерации. Мы найдем корреспондентов немецких, голландских, фламандских и др. При небольшом усердии мы могли бы в течение 6 месяцев охватить всю Европу нашей сетью... Прочтите мою книгу без предвзятой мысли. Обратитесь только к вашему сознанию и обдумайте, что можете сделать в ответ на мой призыв»³⁶. Герцен, у которого еще не было в тот момент политических разногласий с Прудоном, так резко обозначившихся в следующем, 1861 г., горячо откликнулся, и недаром Прудон называет его письмо «ободряющим». Он обещал поговорить об издании в «Колоколе» и просил поместить свое имя и имя Огарева в список сотрудников, если таковой

будет печататься. Что касается непосредственного участия в качестве автора, то, ссылаясь на чрезмерную занятость, Герцен предложил Прудону приспособленный для французской публики перевод своей серии писем о «России и Польше», которые в то время печатал, перечислив Прудону основные положения писем. Из всех этих обещаний осуществленным оказалось только одно: в № 71 «Колокола» от 15 мая 1860 г. появилось извещение о выходе в свет 2-го издания книги «О справедливости» и обращалось внимание «почитателей великого диалектика социализма» на этот новый его труд. «Письма о России и Польше» в выпусках Прудона не появились. Неведение того, что ответил Прудон на предложение Герцена, допускало предположение, что быть может тема, намеченная Герценом, была встречена не вполне сочувственно³⁷. Наше письмо рассеивает все сомнения на этот счет. На сей раз, не так, как во времена «*Voix du Peuple*», Прудон был готов безоговорочно принимать все, что Герцен нашел бы нужным поместить в его выпусках. «Посылайте мне со своей стороны все, что вам кажется полезным», — так лаконически сформулировал он свои редакторские пожелания к Герцену. Причину несостоявшегося сотрудничества Герцена в издании Прудона нужно, следовательно, искать в другом, но она остается неясной. Никаких указаний на то, следил ли Герцен за статьями раздела текущей политики, добавляющими 2-е издание книги «О справедливости», как он оценивал эти статьи, и не они ли заставили его воздержаться от совместных печатных выступлений с Прудоном — нет. Впрочем, мало вероятно, чтобы Герцен, внимательно читавший все выходившее из-под пера Прудона, сделал исключение для книги «О справедливости», предполагая, к тому же, печататься в ней. Вполне возможно поэтому, что Герцена останавливали все же политические разногласия. В период выхода в свет второго издания книги «О справедливости» формировались те взгляды Прудона на национальный вопрос и на роль войны, которые уже в начале 1861 г. вызовут самый решительный отпор Герцена. Эти неприятные Герцену тенденции проскальзывают в высказываниях Прудона на страницах нового издания книги «О справедливости». Так, в статье, помещенной в IV выпуске, Прудон выступает сторонником выдвинутого венским конгрессом принципа «европейского равновесия» и, следовательно, сторонником неприкосновенности Австрии, со всеми вытекающими отсюда выводами в отношении угнетаемых ею национальностей. В выпуске XII издания Прудон в ироническом, пренебрежительном тоне, так возмущавшем Герцена, говорит о начавшейся в Польше борьбе³⁸. Разбираясь в причинах отсутствия статей Герцена в новом издании книги «О справедливости», нужно также иметь в виду, что это издание, по форме и содержанию, мало походило на международный политический журнал, участвовать в котором приглашался Герцен. Прудон, как указывает Р. Лабри, сам вскоре охладел к идее создания международного органа и возможно, что он не настаивал на выполнении Герценом обещания о сотрудничестве.

2. ПИСЬМО МИШЛЕ А. И. ГЕРЦЕНУ

В противоположность отношениям к Прудону, отношения Герцена к Мишле носили спокойный, ровный характер. Знакомство с знаменитым историком, за сочинениями которого Герцен следил еще в России (в дневниках 1833 г. уже встречаются записи о чтении книг Мишле), произошло летом 1851 г. в Париже. Между ними сразу завязывается оживленный обмен мнениями. Мишле посвящает только что вышедшей тогда «Истории развития революционных идей в России» сочувственные строки, а Герцен публикует вскоре свой «Ответ Мишле» на печатавшуюся в 1851 г. «*Pologne et Russie. Légende de Kozstiouszko*», пишет для Мишле биографию Бакунина, пересылает ему статью русского эмигранта В. А. Энгельсона о Петрашевском. Одновременно возникает и растет дружба писателей, оставшаяся ничем не омраченной в продолжении почти двадцати лет, до смерти Герцена, которого Мишле пережил. Герцена прежде всего пленила в Мишле «искренность и простота», свойственные, по его словам, «только людям страстно любящим истину»³⁹. Исключительная сердечность, проявленная Мишле во время постигших Герцена семейных несчастий, его симпатия к Н. А. Герцен и Бакунину, сблизили их крепко и навсегда. Чувство «искреннего уважения», которое вначале внушает к себе Мишле, переходит вскоре у Герцена в подлинную привязанность. Мишле становится для него настолько своим, что в одном из писем к Огареву он в шутку говорит, словно речь идет о ком-нибудь из интимных русских друзей: «Завтра с утра поеду в Замоскворечье к Мишле»⁴⁰. Герцен не забывает посылать Мишле иностранные издания своих сочинений, дарит ему портреты (свой, Огарева, Бакунина, Чаадаева). Неизменно остается и герценовское восхищение Мишле-историком. В 1868 г., за два года до смерти, когда столько прежних увлечений было им подвергнуто жестокой критике и безжалостно отвергнуто, Герцен пишет Мишле: «нынешнюю осень я перечел вашу «Историю революции» от 21 января до конца. Боже, какие страницы, какие главы! Это самая поэтическая и самая целомудренная история великого катаклизма. Не сердитесь на меня, что я так от-

Paris
2. de l'ouest, 14/

18 oct. 56

Cher monsieur

Je reviens d'un long voyage
en Suisse qui m'a grandement
occupé, et maintenant
je suis prêt à vous rappeler ces
choses :

He m'aviez-vous pas fait
espérer, si vous le pouvez,
vous passant à Paris ? Je serais
bien heureux de vous faire
connaître et de vous remercier
avec vous.

du XVIe siècle - L'ouvrage connu
vous pouvez le voir, a été l'objet
d'une prescription croissante de la
part du clergé. Il y a des libraires
qui n'osent le vendre, d'autant
plus il est important de le répandre
dans la pays protestants. Je vous
prie, si vous n'êtes plus à
Londres, de m'indiquer au moins à
vos amis, si possible à la
Ligue, pour qu'elle soit annoncée
en Angleterre, en Amérique et en

Vous m'aviez dit aussi que
vous m'enverriez vos mémoires,
Je ne parle pas l'anglais,
mais je le lis. Si vous aviez
besoin de la publicité française,
j'ai quelques amis dans la
presse - Je serais charmé d'aider
à répandre votre livre.

Où doit-il vous envoyer
la ligue qui paraît en Hollande
c'est le Journal des Quatre
qui contiennent l'histoire

Russie. - Et les auteurs
de l'ouvrage, l'homme innocent qui
sont connus en Russie dans
difficulté. Mais y avons
parlé / maintenant à tout
travaillé aussi / de l'ouvrage
de Russie qui existent dans
quelques éditions russes.

Je vous salue la ligue
affectueusement

J. Michelet

ПИСЬМО МИХЛЕ ГЕРЦЕНУ ОТ 18 ОКТЯБРЯ 1856 г.

Исторический музей, Москва

кровенно высказываюсь. Я плакал, читая последние страницы о смерти Дантона и его друзей. Недавно я закончил том о последних монтаньярах. Как ваше прошлое велико!»⁴¹.

Не менее устойчивы и отношения Мишле к Герцену. Во всех высказываниях о нем, начиная с первого, по поводу «Развития революционных идей в России» и кончая некрологом Герцену⁴², Мишле постоянно отдает дань «очаровательному уму» Герцена, его писательскому таланту, его патриотизму, признает, что от Герцена впервые узнал о «настоящей России» и научился правильному ее пониманию. Мишле всегда осведомлялся о судьбе герценовских изданий, радовался их успехам, огорчался их неудачам. Исчезновение «Колокола» расценивается им, как «бедствие для всей Европы»⁴³.

В дневниках Мишле сохранились две записи его о Герцене: от 5 апреля 1854 г. — «братство с Бакуниным и Герценом» и от 14 сентября 1871 г. под заголовком «Мои друзья различных национальностей». В этом сделанном им для себя интимном перечне после имени Мицкевича стоит имя Герцена⁴⁴.

Переписка между Герценом и Мишле началась с первых же месяцев их знакомства, после вынужденного отъезда Герцена из Парижа. Герцен поместил отрывки из письма к нему Мишле в «Полярной Звезде» (1856). Г. Моно опубликовал 29 писем Мишле и 6 писем Герцена в «La Revue» (№№ 10, 11, 1907). Лемке пополнил эту переписку 24 письмами Герцена, а 27 писем Мишле, соответствующие текстам «Revue», даны им в русском переводе и частично в извлечениях. О существовании позднейших публикаций нам ничего неизвестно. Можно, однако, с уверенностью сказать, что указанным числом переписка писателей не ограничивалась⁴⁵. Как в переписке с Прудоном, тут также налицо явные пропуски. Публикуемое нами письмо не имеет адресата. Однако и общее его содержание и отдельные детали не оставляют сомнения в том, что им мог быть только Герцен. Текст письма следующий:

Paris, r[ue] de l'Ouest, 44
18 oct[obre] 1856

Cher monsieur,

Je reviens d'un long voyage en Suisse qui ne m'a guère servi pour ma santé, et ma première pensée est de vous rappeler deux choses:

Ne m'aviez-vous pas fait espérer que, si vous pouviez, vous passeriez à Paris? Je serais bien heureux de vous serrer la main et de rompre le pain avec vous.

Vous m'aviez dit aussi que vous n'enverriez vos Mémoires. Je ne parle pas l'anglais, mais je le lis — si vous aviez besoin de la publicité française, j'ai quelques amis dans la presse — je serais charmé d'aider à répandre votre livre.

Où dois-je vous envoyer La Ligue qui paraît en novembre. C'est le dernier des quatre qui contiennent l'Histoire du XVIe siècle. L'ouvrage comme vous pouvez le croire, a été l'objet d'une proscription croissante de la part du clergé. Il y a des libraires qui n'osent le vendre. D'autant plus il m'importe de le répandre dans les pays protestants. Je vous prierai, si vous n'êtes plus à Londres, de m'indiquer auxquels de vos amis je pourrai adresser La Ligue, pour qu'elle soit annoncée en Angleterre, en Amérique et en Russie. — J'en dis autant de l'Oiseau, livre innocent, qui doit entrer en Russie sans difficulté — nous y avons parlé (ma femme a fort travaillé aussi à ce livre) des écoles de Rossignol qui existent dans quelques maisons russes.

Je vous serre la main affectueusement.

J. Michelet

Перевод:

Париж, Западная ул., 44
18 октября 1856 г.

Милостивый государь,

Я только что вернулся из длительного путешествия по Швейцарии, не принесшего никакой пользы моему здоровью. Ведь вы обнадежили меня как будто, что,

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ БРОШЮРЫ ГЕРЦЕНА
«РУССКОЙ НАРОД И СОЦИАЛИЗМ.
ПИСЬМО К И. МИШЛЕ»

РУССКОЙ НАРОДЪ

и
СОЦІАЛИЗМЪ

ПИСЬМО КЪ И. МИШЛЕ

АЛЕКСАНДРА.

Переводъ съ Французскаго.

ЛОНДОНЪ

ТРИУМФЪ, 60, PATERNOSTER ROW.

1858.

если окажется возможным, приедете в Париж. Я был бы счастлив пожать вам руку и преломить с вами хлеб.

Вы говорили также, что пришлете мне свои «Воспоминания». По-английски я не говорю, но читать—читаю. Если вы нуждаетесь во французской прессе, то у меня есть несколько друзей в литературном мире. Я был бы очень рад содействовать распространению вашей книги.

Куда следует мне послать вам «Лигу», которая выйдет в свет в ноябре? Это последний из четырех томов, содержащих историю XVI в. Работа, можете поверить этому, явилась предметом все возраставших нападков со стороны духовенства. Есть книготорговцы, не решающиеся ее продавать. Тем более важно для меня распространить ее в протестантских странах. Я просил бы вас, если сами вы больше не в Лондоне, указать мне, кому из ваших друзей мог бы я направить «Лигу», чтобы о ее выходе стало известно в Англии, Америке и России. Равным образом, имею я в виду и книгу «Птица», сочинение совсем невинное, которое должно получить беспрепятственный доступ в Россию. Мы (моя жена также очень много потрудились над этой книгой), рассказываем в ней о соловьиных школах существующих в некоторых русских домах.

Сердечно жму вашу руку
Ж. Мишле

Основная тема письма—просьба содействовать распространению его нового произведения и предложение сделать это со своей стороны для сочинений Герцена, характерна для писем Мишле к Герцену. Аналогичные просьбы и предложения встречаются в его переписке и более раннего и более позднего периода. Они находились обычно у Герцена, чрезвычайно высоко ценившего Мишле как писателя, живой отклик, и он с готовностью организовывал прессу для Мишле. В частности, это было сделано им для «Истории XVI века». Первый том истории, вышедший под названием «Возрождение (Renaissance)», произвел на Герцена громадное впечатление: «После дивного сочинения Фейербаха («Wesen des Christent.») я не знаю ни одной книги, которая более могла бы способствовать отрезвлению людей от богословия», — писал

он Мишле по прочтении книги. «Еще раз спасибо, спасибо за ваши дивные, бесмертные страницы»⁴⁶. И вот на простой запрос историка, в какие английские газеты и журналы следовало бы ему направить первый том «Истории XVI века», Герцен развивает целую программу охвата прессы и не только английской, но также американской, немецкой и пр. Он берет на себя выполнение этой программы и через своих английских, американских, итальянских и иных друзей связывается с несколькими крупными периодическими органами, в которых появляются статьи о новой книге Мишле. Что касается русского читателя, то он был оповещен самим Герценом, посвятившим «Возрождению» большую и восторженную статью в первой книжке «Полярной Звезды» и охарактеризовавшим его как «одно из самых поэтических и глубокомысленных исторических сочинений, когда-либо вышедших во Франции... как поэму, картину, философию эпохи, простой рассказ и вместе огненную полемику и страшный удар католицизму»⁴⁷. С интересом Герцен следит и за последующими томами «Истории XVI века». «Мы все с нетерпением ждем вашей *Réforme*», пишет он Мишле 8 июля 1855 г.⁴⁸

Встретив такую дружественную поддержку со стороны Герцена, Мишле, естественно, торопится посылать ему новые томы своей истории по мере выхода их в свет. О появлении «Лиги», о которой говорится в нашем письме, он извещает Герцена еще 9 сентября 1856 г. «Тысяча благодарностей за статьи ваших друзей о «XVI веке», — пишет он, — «Лига» появится 1 ноября. Сообщите куда вам послать ее и кому ее дать в Лондоне в ваше отсутствие»⁴⁹. Но книги Мишле доходили до Герцена с опозданием. Книгоиздатели задерживали отправку. В сентябре 1856 г. Герцен сменил свою лондонскую квартиру на другую, что, вероятно, осложнило доставку ему корреспонденции. В письмах 1856 г. Мишле постоянно тревожится за судьбу направленных Герцену книг. «Лигу» Герцен получил, повидимому, только в конце декабря 1856 г. или в начале января 1857 г., так как в письме 16 декабря 1856 г. он просит М. К. Рейхель передать Мишле благодарность за книги (имея в виду «Лигу» и «Птицу»), о которых тот ему писал, но которых он еще не получил⁵⁰.

Непосредственное суждение Герцена о «Лиге» нам не известно, но нет никакого основания думать, что он исключил ее из общей оценки «Истории XVI века» Мишле, которую называл «дивной, поэтической, художественной» и в которой, как мы видели, он особенно ценил ее антиклерикальный характер. Неизвестно также, какие шаги предпринял Герцен для пропаганды «Лиги». О том, что Герцен ответил на публикуемое письмо, можно заключить на основании письма Мишле от 20 декабря 1856 г., однако, этот ответ не сохранился. Косвенные указания на то, что Герцен и на этот раз помог распространению книги Мишле, есть. Так, в упомянутом письме от 20 декабря 1856 г. Мишле благодарит Герцена за труд, который он берет на себя, рекомендуя «Лигу». 18 января 1857 г. Герцен просит И. С. Тургенева передать Мишле, что «если он [Мишле] не получил статьи об его «Лиге», помещенной через меня и написанной Пульским, то скажи, что он получит»⁵¹. Наконец, 25 мая 1857 г., узнав от издателей Мишле о выходе в свет дальнейшего тома «Истории Франции», Герцен сообщает Мишле, в какие редакции английских журналов и газет он намерен дать на отзыв его новую книгу, вспоминая при этом об отзывах о «Лиге». «Не присылайте более пяти экземпляров, — пишет он, — (быть может хватит даже четырех): один для Пульского, два для «*Atheneum*'а» и «*Leader*'а», хотя я очень не доволен статьей «*Leader*'а» относительно «Лиги»⁵². Выполняя просьбу Мишле о поддержке его книги в протестантских странах, Герцен исполнил его просьбу и относительно России. Не ограничившись цитированной статьей о «Возрождении» в «Полярной Звезде», он возвращается к «Истории XVI века» в V книжке «Колокола» и снова говорит о ней в самых хвалебных выражениях. Благодаря таким положительным отзывам столь популярных в то время герценовских изданий, книги Мишле должны были широко привлечь к себе внимание русских читателей. В 1860—1862 гг. «История Франции» появляется в русском переводе⁵³ и возможно, что Герцен, спрашивая Мишле, знает ли он, «что его книга о Ренессансе и следующая напечатаны в России, в Петербурге» (письмо от 1 февраля 1862 г.), как бы подводил итоги затраченным на их пропаганду усилиям⁵⁴.

Второе сочинение «Птица» (*L'Oiseau*), о котором говорится в нашем письме, принадлежит к группе естественно-исторических трудов Мишле и является первой его работой в этой области. «Птица» упоминается в нескольких письмах Мишле к Герцену в марте — декабре 1856 г. С доставкой ее особенно не повезло, и Мишле вынужден был повторять свои распоряжения издателю о высылке ее и запрашивать Герцена о получении. Как отнесся Герцен к дебюту Мишле в новой для него области — неизвестно. Оценка «Птицы» была, вероятно, дана в не дошедшем до нас ответе на публикуемое письмо или еще в каком-нибудь не сохранившемся его письме к Мишле. Трудно предположить, что Герцен просто прошел мимо этой книги, в особенности учитывая интерес, проявленный им к другому сочинению Мишле того же жанра — «Насекомому». «Не только я уже прочел «Насекомое», но даже и моя дочь, которой двенадцать лет. Я же перечитываю и перечитываю его. Быть может вы не знаете, что вся наша семья состоит из пламенных натуралистов», — писал он

Мишле 12 ноября 1857 г.⁵⁵ Впрочем, позднее он отзывается уже иначе об этом произведении, присоединяя сюда и занимающую нас «Птицу»: «Сегодня я увижусь с женою Мишле, а может быть и с насекомым и птицею тоже» — сообщает он Мейзенбуг 4 июня 1867 г. «Я не люблю его жену (ни описанную, ни пишущую)», что означало, повидимому, что он не любит книг Мишле, продиктованных чувством к жене («Любовь», «Женщины») и книг, совместно с нею написанных («Птица», «Насекомое»). В этих сочинениях Герцену, вероятно, не нравились их морально-философские тенденции, ибо несколько ранее (1-го июня 1866 г.) он писал сыну: «Мишле как историк хорош, но как философ никуда не годится»⁵⁶.

Никакими данными о том, что Герцен сделал что-либо для пропаганды «Птицы» в европейской прессе, мы не располагаем. Не упоминается книга и в изданиях Герцена.

Но если Герцен так энергично помогал пропаганде книг Мишле, то и последний, со своей стороны, делал то же в отношении сочинений Герцена. В 1852 г. он, как уже говорилось, хвалит в печати «Развитие революционных идей в России» и содействует появлению в периодической прессе обширных выдержек из письма к нему Герцена («Русский народ и социализм»). В 1858—1859 гг. при его содействии во французской прессе появляются статьи об изданных Герценом записках Екатерины II. Его суждения о сочинениях Герцена не менее восторжены, чем суждения Герцена о его собственных. Цитированные выше хвалебные слова по адресу Герцена-писателя можно было бы значительно увеличить. «Воспоминания», о которых Мишле упоминает в публикуемом письме, которых ждет от Герцена и которым предлагает поддержку — это появившееся в октябре 1855 г. английское издание «Тюрьмы и ссылки». Герцен выслал ему книгу, очевидно, вскоре после получения нашего письма, так как 15 ноября Мишле уже пишет ему, что «не знает ничего интереснее его воспоминаний»⁵⁷. Здесь же, как и в письме от 20 декабря 1856 г., он сообщает о предпринятых им шагах для осуществления французского издания «Тюрьмы и ссылки», о чем, вероятно, просил его Герцен в не сохранившемся ответе на публикуемое письмо. Несмотря на настойчивость Мишле, хлопоты его не увенчались успехом, — он объяснял это неблагоприятно сложившейся политической конъюнктурой. Намечавшееся сближение французского правительства с русским внушало французским издателям опасение, как бы книга Герцена не была обречена на «заточение на полках магазина». Герцен так писал об этом Тургеневу (25 декабря 1856 г.): «Вот бы ты с Виардо издал мои «Записки». А то Delavaux их перевел и меня все попрекает, что нет едителя. Уж и Мишле хлопотал»⁵⁸.

План увидеться с Герценом, о котором пишет Мишле, на этот раз также не осуществился. Летом 1856 г., желая побывать в Париже и повидать своих парижских друзей, Герцен возбудил ходатайство перед французским правительством о разрешении поехать в Швейцарию через Францию, но ходатайство это получило категорический отказ со стороны французского правительства. Герцен и Мишле встретились снова лишь в 1864 г.

3. ПИСЬМО ВИКТОРА ГЮГО А. И. ГЕРЦЕНУ

Взаимоотношения Герцена и Гюго до самого последнего времени оставались очень мало освещенными. Их бегло касались исследователи Герцена и совсем не касались исследователи Гюго. Лишь в появившейся три года назад работе М. П. Алексеева «Гюго и русские люди»⁵⁹ этому вопросу уделено должное внимание. Собранный автором материал, где знаменитые строки Герцена о Гюго дополнены забытыми и неизданными документами, вскрывает дружеские, полные общественно-политической значимости отношения писателей. Герцен очень любил Гюго как художника — «социалиста-художника» по его выражению. В молодости он зачитывался «Собором парижской богоматери», в 1862 г. с неменьшим увлечением читает «Отверженных», хотя теперь иногда и подсмеивается над литературной манерой Гюго, называя ее «печатными фейерверками». Не считая Гюго «в настоящем смысле слова политическим деятелем, главой партии», Герцен уважает в нем его непреклонность, искренность его убеждений, преданность идеям гуманности и демократизма. Гюго также следит с большим интересом за литературной и общественной деятельностью Герцена. «Былое и думы» производят на него глубокое впечатление. Он не только внимательно читает их, но и, как указано, цитирует. Он с готовностью откликается на призыв Герцена поддержать «Полярную Звезду», в обращениях к Герцену постоянно называет его «братом по борьбе и испытаниям», «единомышленником», восхищается его умом, сердцем. И все же между Герценом и Гюго нет той близости, которая характеризует отношения Герцена к Прудону, Мишле и Луи Блану. Объясняется это, вероятно, в значительной степени тем, что они лично мало знали друг друга. Когда точно произошло их знакомство — не установлено, но, повидимому, не ранее 1860-х гг. Встречи были редки и случайны. Перелиска началась раньше. Можно думать, что она возникла в 1855 г. в связи с обращением Герцена к Гюго с просьбой поддержать своим сотрудничеством издание «Полярной Звезды». В указан-

«Современные отголоски» и с эпиграфом из Виктора Гюго: «Et j'ajoute à ma lyre une corde d'airain» [и медную струну к своей прибавил лире]. Стихи были напечатаны анонимно. Вот почему Гюго называет их автора «Неизвестным русским поэтом». В действительности же они принадлежали П. Л. Лаврову, на что последний указал в своей автобиографии и в них чувствуется влияние политической поэзии Гюго⁶¹.

Герцен исполнил просьбу Виктора Гюго и передал русскому поэту через «Колокол» (№ 6 от 1 декабря 1857 г.) благодарность поэта. Однако из естественной скромности, а может быть, смущенный словесной пышностью письма Гюго, Герцен не опубликовал его целиком, ограничившись лишь кратким извещением, что стихи были Виктору Гюго доставлены и что он благодарит за них. Аналогичным образом Герцену не раз случалось поступать с письмами своих знаменитых друзей. Так

ВИКТОР ГЮГО

Гравюра Е. Жервэ с фотографии, снятой на острове Джерси в 1853 г.

Частное собрание, Москва

он поступил с другим письмом Виктора Гюго от 25 июля 1855 г., которое поместил в «Полярной Звезде», «значительно смягчив» — по выражению Гершензона — «его необузданную риторичность»⁶². То же было с письмом Мишле. Герцен признается историку, «что не мог подавить в себе чувства», которое тот не осудит, и, «переводя его письмо для «Полярной Звезды», опустил две или три фразы», слишком лестные для него, которые хочет «сохранить для себя как подарок»⁶³. Если Герцен думал сохранить для себя и публикуемое нами письмо Гюго, то желание его не осуществилось. Как мы видели, письмо ушло из герценовского архива, попало в частную коллекцию собирателя автографов и было совершенно забыто. В итоге, эпизод послышки Гюго стихотворений Лаврова оставался неясным, а сухая благодарность, напечатанная в «Колоколе», вызывала недоумение. Теперь мы видим, что в действительности дело обстояло иначе: Гюго горячо откликнулся на стихи, хотя они и были написаны на недоступном ему языке. Письмо Герцена, сопровождавшее посылку стихов, до нас, к сожалению, не дошло. Нужно думать, однако, что Герцен ознакомил в этом письме Гюго с содержанием посылаемых стихов, и, возможно, дал им оценку.

4. ПИСЬМА ЛУИ БЛАНА А. И. ГЕРЦЕНУ

«...Барбес, Луи Блан, Ведь это все старые друзья, почетные друзья кипучей юности. «Histoire de dix ans», процесс Барбеса перед камерой перов — все это так давно обжилось в голове, в сердце, со всем этим мы так сроднились...», — писал Герцен в посвященной Луи Блану в «Былом и думах» характеристике⁶⁴. Лично с автором «Истории десяти лет» Герцен познакомился, видимо, в один из первых своих приездов в Париж, ибо в августе 1848 г. Луи Блан уже бежал из Франции и, таким образом, только к периоду 1847—1848 гг. могут относиться слова Герцена: «Каюсь, что и я сначала был увлечен и думал, что поговорить в кафе с историком «Десяти лет» или у Бакунина с Прудоном — некоторым образом чин, повышение»⁶⁵. Они снова встречаются уже в Лондоне и тогда-то между ними устанавливаются близкие, дружеские отношения. «Я знал, — говорит Герцен, — Луи Блана почти больше всех французских изгнанников»⁶⁶. Дружба эта очень мало освещена биографами Герцена, а в биографиях Луи Блана, в тех, по крайней мере, что были доступны нам, имя Герцена, вообще, не упоминается. Когда точно, при каких обстоятельствах произошла встреча Герцена с Луи Бланом — неизвестно. Впервые имя Блана появляется в письмах и произведениях Герцена лондонского периода в ноябре 1854 г., а в 1855 г. Луи Блан, судя по тону, которым говорит о нем Герцен, уже совсем свой человек в герценовском доме. «Едем в Кью с Людовиком Белым» [Луи Бланом], — пишет Герцен М. К. Рейхель 14 июля 1855 г.⁶⁷ К тому же времени относятся указания М. Мейзенбуг, что Луи Блан бывал у Герцена «часто и совсем запросто»⁶⁸. Личным связям не препятствовала та суровая критика, которой подвергал, как известно, Герцен революционную деятельность Луи Блана. Отдавая дань «неподкупной честности», «неукоризненной чистоте мнений» Луи Блана, его смелости, строгости его жизненных правил, исключительному трудолюбию, отмечая любовь, которой он пользовался среди рабочих, Герцен не щадит Луи Блана-политика. Лишенный всякого чувства преклонения перед авторитетом, свободный в своих суждениях, Герцен очень скоро разглядел слабость и вредность защищаемых Луи Бланом позиций. Уже в «Письмах из Франции и Италии», на ряду с прочувствованными строками, посвященными роли и поведению Луи Блана в Люксембургской комиссии, мы находим обвинение его, как и других французских республиканцев и социалистов, в недостатке «нерва революционного, который был у роялиста Мирабо и у монтаньяра Дантона... Беспокойного духа, подрывающего старое, ломающего без оглядки, дерзкого в отношении к прошедшему»⁶⁹. Несколько позже (сентябрь 1849 г.) в письме к Грановскому, Герцен дает совсем уничтожающую оценку деятельности Луи Блана: «Пустым людям, как Ледрю-Роллену и Луи Блану, не может удасться революция», — говорит он⁷⁰. Наконец, в цитированном отрывке «Былого и дум» Герцен причисляет Луи Блана к «истории другого десятилетия, которое окончено до последнего листа, до переплета»⁷¹. Эти суждения не были, вероятно, тайной для Луи Блана. Между ним и Герценом, по свидетельству Мейзенбуг, часто происходили горячие споры и, наверное, Герцен не скрывал своих точек зрения, хотя, надо думать, и облекал их в более мягкие формы, чем в приведенных отзывах. Отголоски этих споров слышны и в письмах Луи Блана к Герцену⁷². Блан иногда обижался, Герцену приходилось объясняться с ним.

Но неизменно дружеский, сердечный тон писем Блана свидетельствует, что близости между ним и Герценом разногласия не нарушали. Выше мы говорили о сочувствии, которое встретило у Луи Блана обращение Герцена по поводу издания «Полярной Звезды» и приводили его высокую оценку «France ou l'Angleterre» Герцена.

До сих пор известно пять писем Луи Блана к Герцену. Все они напечатаны только в русском переводе⁷³. Публикуемые нами два письма Луи Блана являются, таким образом, не только неизвестными, но, как и письмо Виктора Гюго первыми письмами Луи Блана к Герцену, печатающимися в подлиннике. Ни одно письмо Герцена к Луи Блану опубликовано не было и уцелели ли эти письма, вообще, — неизвестно.

Трудно предположить наличие между Герценом и Луи Бланом обширной переписки. Многолетнее пребывание писателей в одном городе, постоянное личное общение исключало необходимость в частых письменных обращениях. И все же едва ли их переписка была столь ограничена, и мало вероятно, чтобы Герцен и Луи Блан совсем не писали друг другу во время длительных отлучек Герцена из Лондона и, наконец, после его окончательного отъезда отсюда. Любопытно, что все опубликованные письма Луи Блана относятся только к 1857—1860 гг. и написаны в короткие промежутки между лондонскими встречами. Наши письма принадлежат к тому же периоду. Как и ранее напечатанные письма Луи Блана к Герцену, они вводят нас, по словам Герцензона, «в интересы и печали той эмигрантской массы, среди которой Герцен жил в Лондоне»⁷⁴.

Вот текст первого письма:

Hamwell House -
10 octobre 1857

Il n'y a pas un cœur plus
franc ni un plus noble esprit
qu'Alexandre Herzen. Je
suis heureux à tous les
moments d'y songer. Je
me disais à lui. J'ap-
plaudis au succès et l'acte
publié que millionnaires
je ne puis lire, et j'ai le
même regret pour les généraux
vous de prime main inconnus.
Je prie pour que
en cher Compagnon de
à lui faire mon très

profond et affectueux
salut à tous.

fraternellement
à vous.

Viktor Hugo

London

Alexandre Herzen

Putney. near London

Rue Bunbury Road.

6 Juin 1858

Mon cher Herten,

Que je suis désolé! Quand je vous ai rencontré hier, je vous ai dit que j'irais dîner chez vous jeudi, sans me rappeler que ce jour-là ma journée était prise toute entière. Je vous mande ceci en toute hâte, espérant que vous serez à temps pour prévenir votre ami. Voulez-vous pour mardi prochain?

Tout à vous

Louis Blanc

Перевод:

6 июня 1858 г.

Дорогой Герцен,

Как я огорчен! Встретив вас вчера, я сказал, что приду к вам обедать в четверг, совсем забыв, что этот день у меня целиком занят. Тороплюсь сообщить вам об этом, надеясь, что вы успеете предупредить своего друга. Хотите условиться на ближайший вторник?

Весь ваш Луи Блан

Записка характерна для взаимоотношений Герцена и Блана. Частый гость в доме Герцена, Луи Блан приглашался и на торжественные празднества, и на встречи с приезжавшими в Лондон русскими и иностранными друзьями Герцена. Так, в 1861 г. Луи Блан вместе с Маццини, Саффи и другими иностранцами присутствует на собрании у Герцена по поводу освобождения крестьян. В 1862 г. Луи Блан встречается у Герцена с Бакуниным. Блан, со своей стороны, связывает Герцена с французской эмиграцией. В 1856 г., например, он приводит к Герцену Барбеса. С кем из друзей Герцена должен был увидеться у него Луи Блан во время несостоявшегося свидания, о котором идет речь в публикуемой записке — неясно. Это мог быть немецкий поэт Фрейлиграт или венгерский революционер Георг Клапка, находившиеся около этого времени в Лондоне и посещавшие Герцена⁷⁵. Вполне возможно также, что это был кто-нибудь из русских, наплыв которых в Лондон в конце мая — начале июня 1858 г. отмечает Герцен в своих письмах⁷⁶. В частности, в Лондоне гостили тогда В. П. Боткин и В. Ф. Корш.

Текст второго письма Луи Блана к Герцену таков:

Le 27 fevrier 1859

Mon cher ami,

La mort de notre pauvre camarade d'exil, le citoyen Guérin, vous laissant sans tailleur, permettez-moi de vous recommander le mien. C'est un ex-délégué du Luxembourg, un patriote, un républicain, un bon et laborieux ouvrier, un père de famille, et qui pour vivre, a besoin de travailler.

Salut cordial

Louis Blanc

Vos enfants se portent-ils bien, et... suis-je oublié? Je n'ose en dire davantage

4 av. Compton. Lon[don].

Перевод:

27 февраля 1859 г.

Дорогой друг,

Смерть нашего бедного товарища по изгнанию, гражданина Герена, лишила вас портного. Разрешите же рекомендовать вам своего. Это бывший делегат Люксембургской комиссии, патриот, республиканец, хороший, трудолюбивый работник, наконец, отец семейства, нуждающийся в работе, чтобы существовать.

Сердечный привет

Луи Блан.

Здоровы ли ваши дети и... забыт ли я? Не смею ничего прибавить...

4, авеню Комптон Лон[дон]

Письмо не имеет адресата, но что им является Герцен, за это прежде всего говорит содержание документа. Просьба о материальной поддержке нуждающимся французским эмигрантам обычна в обращениях Луи Блана к Герцену: из пяти ранее

известных писем Блана, в трех — речь идет об оказании помощи товарищам по изгнанию. Другим аргументом в пользу того, что письмо адресовано к Герцену, служит приписка Луи Блана с вопросом о здоровье детей. Такой вопрос естественен со стороны человека, часто и запросто бывавшего в доме. Кроме того, известно, что Луи Блан был в особой дружбе с маленькой дочкой Герцена, Ольгой, что служило даже предметом шуток окружающих... «Младшая дочь Герцена, — рассказывает Мейзенбург, — из-за его [Луи Блана] маленького роста принимала его за товарища, и он пользовался у нее заметной милостью. Это Луи Блану так нравилось, что он тотчас как приходил, спрашивал о девочке и часто по получасу играл с ней в волан и другие игры»⁷⁷. Герцен, в письме к М. К. Рейхель, пишет: «На днях Луи Блан (вы знаете, что она [Ольга] влюблена в него, потому что считает его за мальчика) был у нас дома и, говоря со мной, забыл ее. Она так обиделась, что

ЛУИ БЛАН

Гравюра Ребеля, 1851 г.

весь вечер потом не хотела с ним говорить»⁷⁸. Наконец, нахождение письма в коллекции Барятинского вместе с другими письмами, адресованными Герцену, также служит доказательством того, что оно адресовано, именно, к последнему.

Публикуемое письмо очень характерно для Луи Блана. Все его биографы отмечают его постоянную заботу о товарищах по изгнанию⁷⁹. В течение ряда лет Луи Блан был председателем лондонского «Братского общества социалистов-демократов», ставившего себе задачей оказание помощи нуждающимся французским эмигрантам⁸⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Герцен, Собрание сочинений под ред. М. Лемке, т. X, стр. 31; т. VII, стр. 331. Далее всюду сокращенно: Герцен, том, страница.

² Ср. А. Л. Зиссерман, Фельдмаршал, кн. Барятинский, М., 1891 г., т. III, стр. 370.

³ Исключение составляет один Мишле, не подвергавшийся изгнанию в буквальном смысле слова, как Виктор Гюго, и не вынужденный бежать из Франции, как Луи Блан и Прудон. Однако и он после государственного переворота 1851 г. был лишен кафедры в Collège de France, а в 1852 г., за отказ от присяги на вер-

ность второй империи, должен был оставить свою многолетнюю службу в Архивах и переселиться в Нант.

⁴ «Письмо к Д. Мадзини о современном положении России» 1857 г. Герцен, т. VIII, стр. 409; «Ответ» [на письмо, с замечаниями по поводу первой книги «Полярной Звезды»], Герцен, т. VIII, стр. 294.

⁵ Некролог Герцена, написанный Мишле. Герцен, т. XXI, стр. 562; письмо Прудона к Герцену от 23 июля 1855 г. *Correspondance de P.-J. Proudhon*. Paris, 1875, t. VI, pp. 220, 222.

⁶ Письмо к Герцену от 21 апреля 1858 г. Герцен, т. IX, стр. 221.

⁷ См. М. П. Алексеев, Гюго и русские люди. «Литературное Наследство», 31—32, «Русская культура и Франция», т. II, стр. 836 и 857.

⁸ Письмо к Герцену от 4 июня 1861 г. Герцен, т. XI, стр. 131.

⁹ Письма Прудона к Шарлю Эдмону от 28 августа и 25 ноября 1851 г. *Correspondance de P.-J. Proudhon*, t. IV, pp. 90, 130.

¹⁰ Г. Плеханов, Герцен-эмигрант. Сочинения, ГИЗ, 1926 г., т. XXIII, стр. 433—434.

¹¹ A. Darimon, A. travers une révolution, Paris, 1884, p. 180. Цитирую по сочинениям Герцена, т. V, стр. 293.

¹² Письмо к Т. Н. Грановскому, Е. Ф. Коршу и др. Герцен, т. V, стр. 288—289. «Развитие революционных идей в России», Герцен, т. VI, стр. 389.

¹³ «Концы и начала». Герцен, т. XV, стр. 269.

¹⁴ «Концы и начала». Герцен, т. XV, стр. 273. «Порядок торжествует». Герцен, т. XIX, стр. 113.

¹⁵ Герцен, т. XVIII, стр. 35.

¹⁶ Письмо к С. Тхоржевскому от 27 июля 1864 г. Герцен, т. XVII, стр. 311.

¹⁷ Sainte-Beuve. P.-J. Proudhon, sa vie et sa correspondance. 1838—1848 (3 éd.) 1873, p. 192—193; см. также Л. Плещеев, Жизнь и переписка Прудона, — «Отечественные Записки», 1873 г., ноябрь, стр. 76.

¹⁸ P.-J. Proudhon, *Correspondance*, 1857, t. XIV, p. 229.

¹⁹ P. Raoul Labry «Herzen et Proudhon». Paris, 1928, p. 207—208.

²⁰ «Русь», 1883 г., № 2, стр. 31—32. Напечатано в подлиннике и в переводе.

²¹ Ленин, Памяти Герцена, Сочинения, т. XV, стр. 468.

²² Д-ев [П. Боборыкин]. Пьер-Жозеф Прудон в письмах, — «Вестник Европы» 1875 г., октябрь, стр. 552—553. 1878 г., июнь, стр. 535—537.

²³ Привожу перечень опубликованных писем Прудона к Герцену:

1) Приписка в письме Шарля Эдмона (не позднее начала августа 1849 г.), известна только в русском переводе. Герцен, т. V, стр. 293; Р. Лабри пишет, что его попытки разыскать подлинник в архиве семьи Герцена в Лозанне и в Москве не увенчались успехом. Цит. соч., стр. 87—88.

2) Письмо от 23 августа 1849 г. В цитатах по-русски в переводе Герцена с датировкой 29 августа, «Полярная Звезда», кн. V. Герцен, т. XIII, стр. 454. Р. Лабри опубликовал это письмо в оригинале, сообщенном ему дочерью Прудона, г-жой Эннеги (M-me Catherine Proudhon Ennequy), цит. соч., стр. 91—92.

3) Письмо от 15 сентября 1849 г. Опубликовано в выдержках, в переводе Герцена, «Полярная Звезда», кн. V. Герцен, т. XIII, стр. 455—456.

4) Письмо от 27 ноября 1851 г. опубликовано в сокращенном переводе Герцена, «Полярная Звезда», кн. V. Герцен, т. VI, стр. 536—538. Р. Лабри опубликовал письмо в оригинале, полученном от дочери Герцена, Н. А. Герцен, цит. соч., стр. 122—124.

5) Письмо от 7 августа 1852 г. «Correspondance de P.-J. Proudhon», t. IV, p. 317. В русском переводе «Вестник Европы», 1875 г., октябрь, стр. 552—553. В цитатах по-русски: Герцен, т. VII, стр. 125.

6) Письмо от 23 июня 1855 г. Опубликовано Герценом в его сокращенном переводе «Полярная Звезда», кн. I. Герцен, т. VIII, стр. 199. В оригинале в «Correspondance de P.-J. Proudhon», t. VI, pp. 219—222, и в русском переводе в «Вестнике Европы», 1878 г., июнь, стр. 535—537.

7) Письмо от 15 марта 1860 г. «Correspondance de P.-J. Proudhon», t. IX, p. 347—350. По-русски: Герцен, т. X, стр. 267—269.

8) Письмо от 11 апреля 1861 г. Опубликовано по копии, хранящейся в Институте литературы Академии Наук СССР, в Ленинграде, «Литературное Наследство», 1934 г. № 15, стр. 284. (Там же, стр. 285, напечатано письмо Герцена к Прудону от 21 ноября 1861 г., не вошедшее в собрание сочинений Герцена).

9) Письмо от 21 апреля 1861 г. «Correspondance de P.-J. Proudhon», t. XI, pp. 21—24 и в русском переводе: Герцен, т. XI, стр. 86—88.

Кроме перечисленных, Раулю Лабри известно также одно неопубликованное письмо Прудона к Герцену, хранившееся у г-жи Эннеги. Письмо касается дела Гервега и относится к лету 1852 г. Цит. соч., стр. 132.

²⁴ Герцен, т. XIII, стр. 453.

²⁵ Герцен, т. V, стр. 293—295.

²⁶ Р. Лабри, цит. соч., стр. 91. См. выше прим. 23, п. 2.

²⁷ Герцен, т. XIII, стр. 454.

²⁸ Из письма Прудона к Бергману от 24 октября 1847 г. «Correspondance de P.-J. Proudhon», t. II, p. 272.

²⁹ Герцен, т. XIII, стр. 454.

³⁰ Герцен, т. XIII, стр. 456.

³¹ De la Justice dans la révolution et dans l'église. Nouveaux principes de philosophie pratique, adressés à son Eminence Monseigneur Mathieu, cardinal-Archevêque de Besançon. Par P.-J. Proudhon, Paris 1858, tt. 1—3. Новое издание «De la Justice dans la Révolution et dans l'église» par P.-J. Proudhon. Nouvelle édition revue, corrigée et augmentée. Bruxelles, 1860, выходило под общим заголовком «Essais d'une philosophie populaire», №№ 1—12.

³² Герцен, т. IX, стр. 251—252, 253.

³³ Герцен, т. XIII, стр. 458—459.

³⁴ Герцен, т. XIII, стр. 460, 461, 463. К своей характеристике «О справедливости» Герцен в 1866 г. сделал помету: «Я долею изменил свое мнение об этом сочинении Прудона». Однако в чем именно изменился его взгляд, Герцен не говорит. Таким образом, это замечание в очень слабой степени смягчает суровую оценку книги.

³⁵ Прудон записал содержание своей беседы с Герценом. Запись эта была обнаружена Раулем Лабри в бумагах Прудона, сохранившихся у г-жи Эннеги и воспроизведена в цитированной книге Лабри, стр. 185. Привожу перевод текста: «4 октября 1859 г. Визит Герцена. Он думает покинуть Лондон и перебраться в Брюссель. По его мнению с движением в России все обстоит превосходно; отныне оно неудержимо. Александр II думает теперь только об одном: дать делу освобождения свое имя. Герцен убежден, что если бы, вследствие измены дворянства, Александр погиб, — все дворянство было бы вырезано.

Объявит ли император войну Италии, чтобы поддержать Папу? Воспротивятся ли англичане его влиянию в Италии? Принцип ссоры: оба императора против итальянцев и против англичан.

Если Наполеон III не будет воевать с Англией, к ним в гости пожелует социальная республика. Надо, как говорит Герцен, чтобы очаг английского ростовщичества был рассеян. Надо чтобы Мальтус оказался побежденным. Я не понимаю политики «Débats» [газеты «Journal des Débats»], ставшей после Виллафранкского мира противницей Англии; это — кость от кости, плоть от плоти орлеанизма.

Впрочем, большое удовлетворение доставляет наблюдать:

Орлеанизм, готовый поссориться с Англией.

Англию, ссорящуюся с Австрией.

Императора французов, обращающегося против итальянцев, которых он освободил, и протягивающего руку Францу-Иосифу.

Пруссию, разлучающуюся с Австрией и раскалывающую германскую конфедерацию.

Россию, протягивающую руку Бонапарту и ненавидящую Австрию.

Наполеона III, совершающего в Англии дело социальной революции и приводящего к простейшему виду: Наполеона, Александра, Франца-Иосифа и Папу, объединяющихся на основе деспотизма и божественного права.

Англию, Пруссию и Италию, объединяющихся на основе протестантизма и конституционного порядка.

И тех и других, заключающих союз против социальной революции.

Народы, не согласные со своими правительствами».

³⁶ Герцен, т. X, стр. 269.

³⁷ Ср. Р. Лабри, цит. соч., стр. 98: «По причинам нам неизвестным, — пишет Рауль Лабри, — этот проект [т. е. сотрудничество Герцена] не осуществился. Мы не знаем, что ответил Прудон на предложение Герцена по поводу статей о России и о Польше».

³⁸ Привожу перевод этой заметки Прудона: «В Варшаве, в Литве, в герцогстве Познанском происходят волнения. Польша, подобно Италии, желает возродиться. В ее ли это силах? Обладает ли она идеей, которая заставит ее жить? Представляет ли она что-нибудь собою? Польша убила себя собственными руками. Она умерла в прошлом столетии, совершив самоубийство. По какому праву, на каком основании, ради какой цели думает она вернуться к жизни? Не желает ли она преподнести нам конституционную монархию собственного образца? Откровенно говоря, это дело не стоящее труда. Продолжайте же спать, поляки, раз вы способны быть лишь золотой серединой. Бонтесь вы, что ли, что кости ваши не отыщутся, когда грянет суд?» «De la Justice dans la révolution et dans l'église», par P.-J. Proudhon, Bruxelles, 1861, No. 12, p. 185. Герцен не был одиноким в своем возмущении отношением Прудона к Польше. Маркс говорил, что в выступлениях против Польши Прудон «в угоду царю обнаруживает цинизм кретина». О Прудоне. Письмо к Швейцеру, Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIII, стр. 29.

³⁹ Примечание Герцена к статье «Renaissance», par J. Michelet. Герцен. VIII, стр. 216.

- ⁴⁰ Герцен, т. XVIII, стр. 32.
- ⁴¹ Письмо от 3 февраля 1866 г. Герцен, т. XX, стр. 157—158.
- ⁴² Герцен, т. XXI, стр. 562—563. Напечатан в русском переводе.
- ⁴³ Письмо Мишле от 14 февраля 1869 г. Герцен, т. XXI, стр. 273—274.
- ⁴⁴ Привожу перевод второй записи:
Мои друзья различных национальностей.
Мои воспитатели: итальянцы: Виргилий, Вико, Амари, Орландо. Немцы: Гримм, Ганц, Бетховен, Песталоцци, Фребель, г-жа де Маренхольц.
Сыновья: венгры, семья Жерандо, и т. д.
Друзья: даже англичане: Эдвардс, Шекспир.
Друзья: славяне, поляки: Мицкевич и русские: Герцен.
Америка: моя жена [по происхождению креолка].
Многие теперь умерли, я перечисляю всех, живых и мертвых. Gabriel Monod, Jules Michelet. Etudes sur sa vie et ses oeuvres, Paris, 1905, p. 36, 37. Jean-Marie Carré, Michelet et son temps, Paris, 1926, p. 131—132.
- ⁴⁵ Помню опубликованных писем Мишле к Герцену, существуют указания еще на восемь писем историка, судьба которых неизвестна. См. Герцен, т. VI, стр. 531; т. VII, стр. 5, 330; т. VIII, стр. 164; т. IX, стр. 48; т. XIX, стр. 330, т. XXI, стр. 400—401.
- ⁴⁶ Письмо к Мишле от 2 марта 1855 г. Герцен, т. VIII, стр. 156.
- ⁴⁷ «Renaissance» par J. Michelet, Герцен, т. VIII, стр. 207.
- ⁴⁸ Герцен, т. XIII, стр. 192.
- ⁴⁹ Герцен, т. VIII, стр. 375.
- ⁵⁰ Герцен, т. VIII, стр. 373.
- ⁵¹ Герцен, т. VIII, стр. 392.
- ⁵² Герцен, т. VIII, стр. 511.
- ⁵³ «История Франции в XVI веке (Эпоха Возрождения). Соч. Мишле», СПб, 1860 г. «Реформа (из истории Франции в XVI веке). Соч. Мишле», СПб, 1861 г.
- ⁵⁴ Герцен, т. IX, стр. 48.
- ⁵⁵ Герцен, т. IX, стр. 49, 56.
- ⁵⁶ Герцен, т. XIX, стр. 343, т. XVIII, стр. 416.
- ⁵⁷ Герцен, т. VIII, стр. 375.
- ⁵⁸ Герцен, т. VIII, стр. 380.
- ⁵⁹ «Литературное Наследство», № 31—32, 1937 г., стр. 823—837.
- ⁶⁰ В письме в редакцию «Литературного Наследства».
- ⁶¹ «П. Л. Лавров о самом себе» — «Вестник Европы», 1910 г., кн. X, стр. 96—97. Ср. цитированную статью М. П. Алексеева, Гюго и русские люди.
- ⁶² М. Гершензон, Образы прошлого, М., 1912 г., стр. 247.
- ⁶³ Письмо к Мишле от 8 июля 1855 г. Герцен, т. VIII, стр. 192.
- ⁶⁴ Герцен, т. XIV, стр. 204.
- ⁶⁵ Герцен, т. XIII, стр. 582.
- ⁶⁶ Герцен, т. XIV, стр. 200.
- ⁶⁷ Герцен, т. VIII, стр. 195.
- ⁶⁸ М. Мейзенбург, Воспоминания идеалистки, изд. «Academia», 1933 г., стр. 268.
- ⁶⁹ Герцен, т. VI, стр. 82.
- ⁷⁰ Герцен, V, стр. 286.
- ⁷¹ Герцен, т. XIV, стр. 205.
- ⁷² Ср., например, письмо Луи Блана от 31 октября 1860 г. М. Гершензон, Цит. соч., М. 1912 г., стр. 250.
- ⁷³ Вот перечень этих писем: 18 и 20 февраля 1857 г. Герцен, т. VIII, стр. 506—507; 21 апреля 1858 г., Герцен, т. IX, стр. 221; 1 июня 1858 г., Герцен, т. XIV, стр. 564—547; 31 октября 1860 г., Гершензон, цит. соч., стр. 250.
- ⁷⁴ М. Гершензон, цит. соч., стр. 249.
- ⁷⁵ «Возможно, что в субботу Клапка и Фрейлихрат будут у нас обедать», — писал Герцен Мейзенбург 27 мая 1858 г., Герцен, т. IX, стр. 239.
- ⁷⁶ Письма к М. Мейзенбург и М. К. Рейхель, Герцен, т. IX, стр. 237 и 253.
- ⁷⁷ М. Мейзенбург, цит. соч., стр. 268.
- ⁷⁸ Письмо от 21 ноября 1854 г., Герцен, т. VIII, стр. 118.
- ⁷⁹ Л. Ульбах приводит любопытное письмо к нему Луи Блана, вскрывающее отношение последнего к рядовой эмигрантской массе: «Таким изгнанникам как я, — пишет Луи Блан, — которым не приходилось страдать ни от одиночества, ни от голода, ни от мучительной необходимости нуждаться в чьей-то помощи — выполнение долга было, в конце концов, легко и я не вижу с нашей стороны никакой в том заслуги. Но для безвестных солдат нашего дела, для бедных солдат, для солдат в рубищах, одной сознательности было мало. Им, чтобы примириться с изгнанием, нужен был героизм». Louis Ulbach, Louis Blanc, Souvenirs 1883, p. 146.
- ⁸⁰ Ср. Edouard Renard, Louis Blanc, sa vie — son oeuvre, Paris, 1922.